

Шан Жун, как и подобало ветреному мальчишке, уже успел выбросить из головы историю с таблетками. Растянувшись на кровати, он с упоением разглядывал свой экзаменационный лист: за последнюю работу он получил аж на балл больше обычного. Пусть позиция в общем рейтинге осталась прежней, событие всё равно казалось достойным маленького праздника.

Спустя некоторое время дверь открылась, и в комнату вошёл врач, чтобы взять кровь на анализ. Мальчик послушно выпростал из рукава изящную тонкую руку.

— Больно не будет, потерпишь? — медик сбросил колпачок с иглы и аккуратно ввёл её в вену.

— Я не боюсь, — Шан Жун вскинул взгляд. — А зачем это?

— Проверим, нет ли у молодого господина лекарственного отравления, — уклончиво пояснил врач.

По его мнению, Цзянь Хуай оставался мальчику отчимом, да и отношения между ними, слухам верить, складывались весьма прохладные. Скажи он напрямую, дескать, «господин Цзянь не доверяет тебе и решил удостовериться, принимал ли ты стимуляторы», это могло лишь спровоцировать вспышку гнева у избалованного ребёнка.

Шан Жун ненадолго замер, перевёл взгляд на молчаливого Цзянь Хуая, стоящего чуть в отдалении, и тут же отвернулся:

— Хорошо.

Вопреки ожиданиям, вспышки ярости не последовало. Мальчик даже бровью не повёл.

Цзянь Хуай искренне удивился: похоже, пасынок вовсе не отличался строптивым нравом, каким он его себе воображал. С чего бы капризному подростку вести себя так смирно? И почему тогда куча репетиторов не смогла выбить из него дурь? Цзянь Хуай ломал голову, пока не вспомнил сюжет книги: неужели на парня так давил штамп «персонажа-глупыша»?

Впрочем, спасателем Цзянь Хуай себя не считал и превращать бестолкового барчука в самостоятельного, взрослого человека не планировал. Было бы разумнее уделить внимание собственной жизни — его положение выглядело куда плачевнее.

Рано или поздно босс Шан вернётся домой, и как с ним уживаться — задачка не из лёгких. Цзянь Хуай понятия не имел, как устроен их фиктивный брак и способно ли это ископаемое раскусить подмену души.

«Едва ли, — утешал себя Цзянь Хуай. — В конце концов, в мистику разумные люди не верят».

С другой стороны, каков из себя этот Шан Цзиань? Типичный мажор в энном поколении, унаследовавший семейную империю?

Если так, задача упрощалась: избалованным наследникам бизнеса обычно не хватает ни хватки, ни коварства, ведь они получают всё на готовенькое. Такие люди куда наивнее тех, кто пробивал себе дорогу с самых низов.

Может, Шан Цзиань — такой же безобидный и доверчивый пушистый зайчик, как и сам Шан Жун?

Вполне вероятный расклад. Простой человек не способен скопить столь колоссальное состояние без мощной протекции, а значит, парень банально пришёл на всё готовое.

Цзиань Хуай почти убедил себя в том, что его благодетель — мягкий и уступчивый человек. Вдруг они вообще сумеют подружиться?

Но сперва требовалось разобраться с насущной проблемой: откуда мальчишка выкопал эти дрянные таблетки?

Из выпусков новостей Цзиань Хуай помнил: чаще всего подобную дрянь подросткам подсовывают так называемые приятели. Дети богатееров, угодившие за решётку из-за наркотиков, почти всегда втягивались за компанию с дурными друзьями.

Перед глазами всплыли двое парней с гольф-поля, пытавшиеся избежать встречи с ним. Одним из них был Лу Минфэн. Неужели его рук дело?

С чего бы им юлить и прятаться, если на поле они не замыслили ничего дурного? Наверняка тот «препарат для повышения концентрации» подсунули Шан Жуну именно тогда.

И всё же, глядя на Лу Минфэна, сложно было заподозрить его в коварстве — обычный зелёный юнец. Зачем ему травить приятеля? Нет, не сходится.

Поразмыслив, Цзиань Хуай вновь набрал номер классного руководителя, приглашавшего его на родительское собрание. Когда в трубке ответили, он перешёл сразу к делу:

— Здравствуйте, Учитель. Я... опекун Шан Жуна. Хотел бы узнать, с кем из ребят он ближе всего общается в школе?

— Вы про его друзей?

— Именно. С кем у него самые доверительные отношения?

— О, Сяо Шан очень общителен, у него полно друзей!

— Например?

— Лу Минфэн, Цзян Юэ... да и ещё целая компания ребят.

Цзянь Хуай насупился. Такой подход не работал. Вслепую концы не найти, проще выпытать всё у самого мальчишки.

— Господин Цзянь, вы замечательный отец! — похвалила собеседница. — Искренне интересуетесь окружением сына, проявляете такую заботу... Не то что некоторые родители, которым дела нет до успехов своих детей.

—...

Цзянь Хуаю потребовалось усилие, чтобы переварить обращение «отец». Чёрт возьми, он ведь ещё совсем молодой!

— Господин Цзянь, вы придёте на собрание? — уточняла учительница. — Сяо Шан очень ждёт, что кто-нибудь придёт, особенно вы.

—... Да, разумеется. Я буду.

Вот так, без шума и пыли, превратился в папочку.

Человек, сумевший всучить мальчишке дрянь да ещё и убедить принять её, безусловно, пользовался огромным доверием юного господина.

Мог ли это быть одноклассник?

С одной стороны, вполне, с другой — едва ли. Дети в их возрасте слишком наивны, чтобы додуматься до такого. Да и каков мотив? Испорченность чистой воды?

Куда вероятнее другое...

Цзянь Хуай вдруг вспомнил о репетиторе, которого не так давно упекли в полицию.

Что, если за этим стоят взрослые?

Тогда мотив очевиден: втюхать подростку запрещённый препарат по цене в десятки раз выше

рыночной ради лёгкой наживы. Шан Жун упоминал стоимость той злополучной коробочки. Сумма превышала цену легального аптечного аналога раз в тридцать.

Просто кто-то решил нажиться на богатом и несмышлёном ребёнке.

Картина вырисовывалась.

В этот момент на телефон пришёл вызов по видеосвязи от родственников оригинального владельца тела. Цзянь Хуай замялся на пару секунд, прежде чем принять звонок, и услышал совершенно незнакомый голос.

— А-Хуай, чем занимаешься?

На экране появилась пышно одетая женщина средних лет. Судя по обстановке на заднем плане, находилась она явно не в скромном жилище семейства Цзянь: за её спиной простирался ухоженный газон с действующим фонтаном, украшенным изваянием русалки. Для владельцев средней руки фирмы такой размах выглядел чересчур роскошно.

«Родня?» — мысленно гадал Цзянь Хуай.

— Да вот... только что закончил разговор с классным руководителем Шан Жуна, — ответил он.

— Ох, как замечательно! Наш А-Хуай находит общий язык с мальчиком! Как раз кстати: твой старший дядя сейчас занят по уши, а его сынишка остался без присмотра. Может, присмотришь за ним немного?

Сын старшего дяди?

Цзянь Хуая озарило. Роман «Крепко обними жену-плаксу» отличался штампами старых любовных новелл с их гиперболизированным размахом влиятельных кланов.

В семье Цзянь тоже имелись свои олигархи — правда, не родители героя, а ветвь его старшего дяди. Цзянь Цянь был маститым бизнесменом, стоявшим на вершине пищевой цепочки среди топ-менеджеров, а его младший сын, находящийся сейчас в возрасте бурного роста, в будущем должен был стать самым популярным главным героем-гонимым этой истории... Да и приходился он Цзянь Хуаю родным двоюродным братом.

Что же до самого босса Шана, то в оригинале тот служил лишь безликим фоном для демонстрации богатства главного героя-су и почти не появлялся на страницах книги.

Но с чего бы дяде с тётей так доверять ему?

Цзянь Хуай не догадывался, что в глазах старших они с Шан Цзианем казались образцово-показательной семейной парой. Отсутствие скандалов вокруг имени босса Шана родственники приписывали исключительно чарам его скромного супруга.

Завершив звонок, супруга старшего дяди повернулась к подруге:

— Похоже, у А-Хуая всё замечательно.

— Ещё бы! — ухмыльнулась та. — Выглядит куда лучше прежнего. Вот что значит семейное счастье.

— Надо бы Чжаосюэ познакомиться с троюродным братом, пусть привыкают друг к другу.

— И то верно.

Спустя минуту дамы окликнули мальчугана:

— Сяо Цзянь, поди сюда, поздоровайся с братом!

Экран телефона Цзянь Хуая вновь вспыхнул.

Приняв вызов, он увидел маленького мальчика, внимательно изучавшего его через объектив. У ребёнка была фарфорово-белая кожа и невероятно выразительные, красивейшие глаза. Термин «красивый» едва ли подходил для описания мальчика, но во взгляде отражалось нечто особенное — недетская холодность, придававшая его чертам благородное изящество.

— Поздоровайся с братом, — мягко подсказывали за кадром.

Мальчик выдержал паузу и ровно произнёс:

— Брат.

Супруга дяди с подругой аж замерли: господи, до чего же Цзянь Хуай и Цзянь Чжаосюэ похожи! словно две ледышки — одна побольше, другая поменьше.

Цзянь Хуай обменялся с ними парой дежурных фраз и согласился присмотреть за братом.

Похоже, ключевым персонажам новеллы суждено встретиться чуть раньше положенного?

Учитывая их характеры, пацаны должны отлично сойтись.

Пока Цзянь Хуай с въедливостью педанта пытался вычислить торговца, снабжавшего Шан Жуна дрянью, сам избалованный барчук внезапно заметно оживился.

Более того, мальчишка перестал воспринимать отчима как чужака, что искренне поразило Цзянь Хуая.

Раньше они едва обменивались парой слов при встрече, а теперь... их отношения понеслись куда-то во весь опор. Речь шла не о вражде — напротив, маленький паршивец полностью лишился субординации.

Первоначальный план Цзянь Хуая был прост: жить под одной крышей с главным героем-су, но соблюдать нейтралитет.

Однако этим намерениям не суждено было сбыться.

Недаром учительница настоятельно просила родителей прийти на собрание: персонаж книги находился в том самом младшем школьном возрасте, когда разумом правит инфантилизм, а привычка жить на всём готовом полностью отбивает тягу к самостоятельности. Прежде их распорядки дня практически не пересекались: один просыпался ближе к полудню, а другой уходил в школу к восьми утра.

Один жил в режиме мастера тайм-менеджмента, второй — в режиме профессионального лентяя.

Так продолжалось до самых выходных.

В воскресенье, в девять вечера, дисциплинированный Цзянь Хуай уже готовился ко сну, когда из-за закрытой двери соседней комнаты донеслись громкие голоса и смех. Кто-то задорно рубился в сетевую игру.

Цзянь Хуай поднялся с постели. Полноценный сон составлял основу его продуктивности, без него рассчитывать на бодрость на следующий день не приходилось. Высокий уровень энергии не даётся даром.

Решительно шагнув за порог, он направился по коридору к спальне «плаксы».

Три коротких стука остались без ответа. Раздражённо нахмурившись, Цзянь Хуай толкнул дверь. Внутри царил привычный раскордач, словно в собачьей конуре. На кровати, сгорбившись перед светящимся монитором, сидел подросток и яростно стучал по клавишам, переговариваясь с кем-то через гарнитуру. Судя по всему, играли в какой-то шутер.

— Шан Жун, — ровно и холодно произнёс Цзянь Хуай.

За компьютером на секунду замерли, но, решив, что ослышались, продолжили игру под весёлый гомон из наушников.

Цзянь Хуай повысил голос, чеканя каждое слово:

— Шан Жун. Выключай ПК и ложись спать.

Мальчик наконец сообразил, что к нему обращаются, сдёрнул наушники и обогнул кресло. Да так и застыл.

Помимо склонности к праздности, у Шан Жуна имелась ещё одна черта: он был отчаянным визуальщиком. А в силу собственного жизнерадостного нрава питал слабость к сдержанным, непрístupным людям.

И стоящий в дверях Цзянь Хуай в тонкой белой футболке попал прямо в яблочко...

«Чёрт, до чего же брату идёт эта вещь!»

Все прежние обиды, аккуратно записанные в мысленный синодик — что отчим его игнорирует, ни во что не ставит и считает пустым местом, — мгновенно испарились.

Мальчик хлопнул ресницами и пропел:

— Брат...

Цзянь Хуай замер.

Он готовил строгий выговор, но при виде этого белокурого создания весь гнев куда-то улетучился.

Штамп «всеобщего любимца и плаксы» работал на ура.

У мальчишки от природы были губы с приподнятыми уголками, отчего казалось, будто он всегда чуть улыбается. Золотистые волосы, пушистые светлые ресницы — сидит, словно ласковый котёнок. Ну как на такого злиться? Настоящий избалованный любимчик.

Но Цзянь Хуай не привык идти на поводу у эмоций.

Поэтому, несмотря на ангельский вид пасынка, он подошёл к столу и одним точным движением выдернул кабель питания из монитора. Экран тут же погас, а интерфейс игры сгинул во тьме.

Шан Жун воззрился на тёмный дисплей:

—...

Вот это поворот!

Цзянь Хуай просто взял и обесточил монитор?!

Любой геймер на его месте разразился бы бранью от подобной наглости, но Шан Жун... почувствовал дикий восторг!

Вместо вспышки гнева парня накрыла волна чистейшего удовольствия: отчим наконец-то проявил к нему внимание! Боже, о нём кто-то заботится! И не кто-нибудь, а сам Цзянь Хуай! За что ему такое счастье?

В душе словно расцвёл пышный салют.

«Брат Цзянь возится со мной!»

Уголки губ Шан Жуна поползли вверх, он уставился на отчима сияющими глазами и заискивающе протянул:

— Брат-т... Ой, то есть, папа!

Цзянь Хуай аж передернуло, по коже побежали мурашки. Сделав шаг назад с тяжёлым монитором в руках, он строго проговорил:

— Зубы не заговаривай. Игры окончены. Отныне ровно в девять вечера твоя техника переходит под мой контроль.

Улыбка Шан Жуна стала ещё шире. Он закивал, точно заводной:

— Хорошо, брат!

—...

Цзянь Хуай отступил к дверям.

— Брат, а тебе как больше нравится: чтобы я звал тебя братом или папой?

Цзянь Хуай выскочил за дверь. У этого паршивца что, полностью отсутствуют социальные барьеры?!

По наблюдениям Шан Жуна, единственной неприступной крепостью в этом доме оставался Цзянь Хуай, поэтому завоевать его расположение стало задачей номер один.

И с того дня, когда отчим выбросил дрянные таблетки и вызвал врача, шкала симпатии мальчишки рванула вверх со скоростью ракеты. «Брат Цзянь вовсе не равнодушен», «Он просто держится отстранённо» — Шан Жун находил сотни оправданий и искренне привязался к старшему.

С каждым днём он всё больше ждал перемен.

Тем временем Цзянь Хуай продолжал восстанавливать цепочку.

Торговец действовал ради наживы, подсаживая детей богачей на запрещённые препараты.

Главная неувязка заключалась в том, что ребёнок не станет принимать таблетки из рук постороннего человека. Обычно в таких делах замешаны знающие люди — либо друзья, либо те, кому ребёнок безгранично доверяет.

Был и ещё один важный фактор: преступник не мог являться постоянным работником усадьбы. Управляющего можно исключить сразу.

Человек с постоянным высоким доходом в элитном особняке не станет рисковать стабильным куском хлеба ради разового куша. Выбор между постоянным доходом и сиюминутной наживой очевиден для любого разумного человека.

На подобное решаются лишь отчаянные головы, которым терять нечего. И им необходима возможность смыться в любой момент. Чуть подгорит — и ищи ветра в поле.

Цзянь Хуая озарило: он вспомнил их первую встречу на гольф-поле, когда посторонние люди пытались сбежать, явно скрывая нечто недозволенное.

Может, виновен Лу Минфэн?

Едва ли. Мальчишка выглядел спортивным, подтянутым и вполне здоровым — на кайфолова явно не тянул.

Администратор гольф-клуба?

Нет, это постоянный штат, не временники.

Цзянь Хуай отправился к управляющему и запросил список временного персонала, работавшего в поместье.

Повара — постоянный контракт.

Горничные — постоянный контракт.

Управляющий — постоянный контракт...

Садовник...

Садовник!

Садовника нанимали по краткосрочному договору.

Не теряя ни минуты, Цзянь Хуай набрал номер полиции. После нескольких гудков в трубке ответили.

— Офицер.

— Господин Цзянь, здравствуйте, — узнав голос, доброжелательно отозвался полицейский. — Чем могу помочь?

— Прошу вас проверить нашего садовника.

— Садовника? — интонация офицера взметнулась вверх.

— Именно.

— Вы можете описать его приметы или назвать имя?

— Сюй Дун. На вид около сорока лет, смуглый.

— Вот как? — удивлению полицейского не было предела. — В чём вы его подозреваете?

Цзянь Хуай ровно ответил:

— Полагаю, он замышлял сбыт запрещённых препаратов. Не могли бы вы провести проверку?

В трубке повисла короткая пауза, после чего офицер лёгким тоном пояснил:

— У вас отличная наблюдательность, господин Цзянь. Однако вчера мы уже задержали этого садовника. Его перехватили по пути в международный аэропорт, сейчас он под стражей.

Полиция сработала быстрее него?

Полицейский добавил:

— Его сдал тот самый лже-репетитор. Господин Шан лично распорядился допросить всех возможных сообщников. Особо просил проверить домашний персонал.

Цзянь Хуай застыл.

Кусочки мозаики мгновенно сложились в единую картину:

Сначала арест репетитора, затем задержание садовника до того, как тот успел сбежать...

Шан Цзиань с самого начала просёк неладное! Он намеренно впустил подставного репетитора, чтобы использовать его как пешку и зачистить всю цепочку недоносков вокруг своего сына.

Но откуда у него такая уверенность, что Шан Жун не пострадает от таблеток?

Сколько людей в этом огромном особняке прошли его «проверку на вшивость» и стали его тайными осведомителями? Да и друзья Шан Жуна, похоже, тоже находились под полным контролем.

Этот человек... поистине страшен.

<http://bllate.org/book/20321/2111673>